

Жаль, что в рецензируемом издании не публикуются музыкальные записи и отсутствуют указания на способ исполнения песен и причетов. Это облегчило бы определение их жанровой принадлежности. Многие тексты рецензируемого издания следует считать причитаниями, и в первую очередь тексты, сопровождавшие расплетение косы, отдавание красоты, баню и другие, аналогичные соответствующим ритуалам северо-русской свадьбы (II, № 18, 20—33, 40, 41, 45, 81—84). Многие из этих текстов содержат формульные сочетания, идентичные северо-русским причетам: просьба к матери вплести «по коренья трубочатой косы» «волюшку родимого батюшки», «посередь трубочатой косы — два ножичка, два булатные» (II, № 28); обращение к матери: «гора высокая, стена белокаменная, ночная ты моя богомолица, денная заступница» (I, № 146). Все эти тексты, несомненно, восходят к северо-русской традиции. Интересно было бы указать их локализацию по регионам Сибири. Во вступительной статье к III книге Р. П. Потанина усматривает северо-русское влияние на свадьбу семейских в минорном ее тоне, «театрально-драматическом характере и насыщенности до недавнего времени причитаниями» (с. 5). В какой мере проявилось это в других регионах Сибири и как перекрещивается с другими влияниями, остается пока не известным.

В целом рецензируемые издания Бурятского филиала СО АН СССР являются ценным вкладом не только в фольклористику Сибири, но и в науку о фольклоре вообще. Основанные на богатом, в значительной мере вновь собранном материале, они знакомят широкого читателя с ценнейшим поэтическим наследием русского населения Сибири, вводят в научный оборот сотни новых текстов, расширяют проблематику и открывают дальнейшие научные перспективы их исследования, исторического и теоретического. Эти издания, безусловно, необходимо продолжить, учитывая высказанные замечания и пожелания.

И. М. Колесницкая

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Ethnologie Occidentale. Essais critiques sur l'idéologie. Moscou, 1985.

Перевод на французский язык и издание критических очерков, посвященных анализу концепций зарубежных этнографов, представляется важным вкладом в развитие научного диалога между Западом и Востоком. В первой же статье (Ю. В. Бромлея) рецензируемого сборника подчеркнута необходимость более тесного сотрудничества на современном этапе ученых разных стран в изучении человека и человечества (с. 10). Между тем такое сотрудничество советских и западных этнографов осложнено существенными различиями в понимании ими задач этнографической науки, различиями, которые складывались десятилетиями и в настоящее время многими исследователями на Западе воспринимаются как непреодолимый «культурный барьер». В частности, английский этнограф Э. Геллнер отмечал, выражая мнение многих своих коллег, что советская и западная этнографические дисциплины «представляют собой разные миры, контраст между ними — это контраст между эволюционно-историческим и функционально-статическим видением человека и общества... ученый, воспитанный в традициях британской социальной антропологии, при попытке проникнуть в мир советской этнографии испытывает сильный, но оздоравливающий культурный шок»¹.

Рецензируемый сборник в какой-то мере способствует разрушению «культурного барьера», давая нашим зарубежным коллегам прекрасную возможность, не испытывая языковых затруднений, увидеть прошлое и настоящее западной этнографической науки в критическом освещении видных советских специалистов. Существенно в этом плане и то, что сборник вполне может претендовать на формулирование теоретической позиции, свойственной советской этнографической критике в целом, поскольку является своеобразным итогом многолетней деятельности, направленной на изучение теоретической мысли в западной этнологии, деятельности, результатом которой стала целая серия коллективных трудов².

Первое, что необходимо отметить при характеристике сборника, — это стремление его составителей и авторов дать максимально полное представление о западной этнологии. Стремление это удалось осуществить: хронологически статьи охватывают период с момента возникновения этнографии как особой научной дисциплины вплоть до сов-

¹ Gellner E. The Soviet and the Savage//Current Anthropol. 1975. V. 16. № 4. P. 595.

² Этнологические исследования за рубежом. М., 1973; Концепции зарубежной этнологии. М., 1976; Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л., 1979; Этнография за рубежом. М., 1979; Пути развития зарубежной этнологии. М., 1983.

ременности, рассматривают наиболее важные из ее теоретических направлений, явившихся плодом деятельности виднейших представителей «великих этнографических держав»: Англии, Германии, США, а также других стран.

Особое значение для решения общих задач, стоящих перед авторским коллективом, имеет статья Ю. В. Бромлея «Социокультурная антропология и этнография: к вопросу об их объекте». Ю. В. Бромлей подвергает критическому разбору точки зрения виднейших авторитетов культурной и социальной антропологии — дисциплин этнографического цикла в США и Англии — по вопросу о предмете их наук и приходит к убедительному выводу о безысходной противоречивости существующих на Западе представлений о том, что же все-таки является специфическим предметом этих наук, определяющим их место среди других обществоведческих дисциплин.

В статье вскрываются и причины этой неопределенности, среди которых главными выступают следующие: чрезмерные претензии социокультурной антропологии на охват культуры и общества в целом на всех фазах исторического развития; отсутствие верных философско-мировоззренческих оснований, что в конечном счете ведет к пренебрежению серьезными теоретическими исследованиями, направленными на выявление предмета и объекта своей науки и, напротив, к чрезмерному увлечению попытками определить ее специфику за счет специфики исследовательских методов; глубокое несоответствие между универсалистскими претензиями и реальной практикой исследований, в результате чего англо-американские ученые, заявляя об охвате своей наукой человеческого общества вообще, фактически не выходят за пределы изучения архаических общин и малых групп в развитых странах.

Критика Ю. В. Бромлея имеет, однако, не только негативный характер. Она вполне конструктивна, так как он дает альтернативу в виде теории этноса, которая ставит этнографию на твердую почву изучения совершенно определенного предмета, причем предмета, не изучаемого никакой иной наукой и имеющего в отличие от архаических обществ тенденцию сохранять свои специфические качества и в отдаленном будущем.

В статье «Этноцентризм, этнокультурная идентификация, межэтнические отношения» С. Н. Артановский при анализе трудов американских, английских, французских, немецких культурологов, этнологов и других специалистов прослеживает две основные мировоззренческие тенденции, характерные для подхода западных исследователей к проблеме межэтнического взаимодействия: 1) абсолютизацию социального фактора, взятого как некая вневременная категория (социологизм), и 2) психологизм, выражающий абсолютизацию психологического аспекта этнического самосознания и взаимодействия. С. Н. Артановский убедительно демонстрирует так называемые «маятниковые колебания» между указанными двумя крайностями, характерные для всей истории развития западной научной мысли в этом вопросе и не позволяющие на уровне общей теории отразить противоречивое единство процесса этнического развития. При этом его внимание не замыкается на мировоззренческом уровне, на котором слабость общих выводов западных исследователей выступает со всей очевидностью. С. Н. Артановский отмечает и продуктивность научного поиска зарубежных коллег в ряде направлений. Так, он обращает внимание на известную оправданность формальной типологии этнических общностей, разработанной американским социологом Дж. К. Россом, и его концепции этнических границ (с. 183), признает научное значение типологии этнических контактов, предложенной американскими культурными антропологами Р. Ле Вином и Д. Кэмпбэллом (с. 187).

Значительный интерес для читателя представляет статья А. С. Мыльникова «Сравнительное изучение цивилизаций», основное внимание в которой уделено исторносоциальным концепциям, в той или иной мере связанным с идеями О. Шпенглера, — концепциям английского историка А. Тойнби, американских социологов, философов и антропологов П. Сорокина, Ф. Нортропа, А. Крёбера, Ф. Бэбба, К. Квили и др. Статью, несмотря на ее небольшой объем, отличает комплексный подход к анализу исторносоциальных концепций, которые рассматриваются в историческом, методологическом, предметно-содержательном и идеологическом аспектах. Отмечая поразительную пестроту теоретического облика западной историософии, детально разбирая содержание идущих в ней дискуссий, А. С. Мыльников обращает внимание и на общую для всех историософских доктрин черту — идеализм, который сводится к трактовке культурного процесса как следствия движения идей (религиозных, нравственных, научных и т. д.). Именно в этом он справедливо усматривает корень мировоззренческой и научно-познавательной слабости буржуазной культурологии в целом (с. 164). Ограниченность мировоззренческих оснований привела к тому, что главное в историософских концепциях — историческую типологию цивилизаций, как правило, отличают антиисторизм и предвзятая умозрительность. В статье аргументированно доказывается, что «культурно-исторические типы» Н. Данилевского, «высокие культуры» О. Шпенглера, «цивилизации» А. Тойнби, «культурные модели» А. Крёбера, «мировые культуры» Ф. Нортропа, «социально-культурные суперсистемы» П. Сорокина — это логические конструкции, порою не лишённые остроумия и чисто эссеистского блеска, но имеющие весьма мало общего с объективно-историческим процессом развития мировой культуры. Действительная история этого процесса подмечена в них суммой пронумерованных цивилизаций, выделяемых более или менее произвольно.

Статья Ю. И. Семенова «Теоретические проблемы первобытной экономики и западная этнология» посвящена критическому анализу концепций одного из наиболее представительных направлений, получившего статус особой субдисциплины под названием «экономическая антропология». Центром внимания автора и его живого исследовательского интереса стал вопрос о сущности экономики доклассового общества, об отличиях ее от капиталистической экономики. В каком-то смысле Ю. И. Семенов поставил себя

в позицию не только «смотрящего» на теоретические выводы западных ученых (К. Бюхера, Б. Малиновского, К. Полаanyi, Дж. Дальтона, Р. Фёрса, Д. Гудфеллоу и др.), но и «смотрящего» вместе с ними на факты. Такую позицию нельзя назвать самой легкой, она в то же время дает особый науковедческий эффект — эффект «экспертной оценки». Ю. И. Семенов, известный специалист в области первобытной экономики, в полной мере смог реализовать возможности такой позиции, которая, с одной стороны, позволила ему отметить ряд достижений зарубежных коллег, в частности новаторские для буржуазной науки своего времени выводы Б. Малиновского о глубоких отличиях первобытной экономики от экономики капиталистической (с. 70), а с другой стороны, аргументированно показать бесплодность дискуссии между двумя ведущими направлениями экономической антропологии — субстантивизмом и формализмом.

Статья Э. Г. Александренкова «Диффузионизм в западной этнографии», отличаясь значительным своеобразием исследовательского подхода, в чем-то перекликается с содержанием статей С. Н. Артановского и А. С. Мыльникова, поскольку имеет дело с концепциями, трактующими проблему взаимовлияния культур. Речь в ней идет главным образом о трех направлениях, за которыми в мировой этнографии прочно закрепилось название диффузионизма: это культурно-историческая школа в Германии и Австрии, ареальные исследования в США и гелиолитическая школа палимиграционизма в Англии. Если учесть, что только эти направления в научной традиции принято безоговорочно именовать диффузионистскими, то содержание статьи Э. Г. Александренкова гораздо шире ее названия, ибо он анализирует концепции большого числа этнологов, в которых проблема диффузии культур разрабатывалась наряду с прочими. Таким образом, в поле зрения исследователя попали виднейшие теоретики западной этнологии, представляющие основные направления и этапы ее истории: Э. Тайлор, Л. Г. Морган, Г. Чайлд, К. Биркет-Смит, П. Риве, Э. Норденшельд, Дж. Фрэйзер, П. Л. Дзамботти, Г. Экхольм и др.

Э. Г. Александренков отмечает определенные позитивные моменты в деятельности культурно-исторической школы (Ф. Гребнер, В. Шмидт) и в ареальных исследованиях (К. Уислер, Э. Спир, А. Крёбер) — разработку ими методик сравнительного анализа и картографирования, введение в научный оборот огромного фактического материала и типологическую организацию его и др. Но в то же время в статье последовательно проводится мысль о том, что верные посылки и тщательно отработанные методики предшественников указанных школ сами по себе не могли гарантировать верных теоретических выводов. Последние в конечном счете зависят от характера мировоззренческой позиции ученых, которая у диффузионистов отличалась идеализмом, эклектикой, недооценкой факторов спонтанного развития культур. В итоге завершающим шагом в познавательном процессе у них стало сведение истории культуры к формальным схемам и произвольной умозрительной интерпретации последних.

Статья Я. В. Чеснова «Теория культурных ареалов в американской этнографии» как бы развивает один из сюжетов, рассматриваемых в общем плане Э. Г. Александренковым, что явно идет на пользу и обеим статьям, и сборнику в целом. Актуальность статьи обуславливается тем, что анализируемая в ней теория затрагивает весьма важные проблемы, связанные с экономическими, хозяйственно-культурными факторами функционирования и развития общества. В статье очень детально разбираются воззрения виднейших теоретиков американской культурной антропологии — К. Уислера и А. Крёбера. Справедливо отмечается, что для своего времени идеи Уислера, подчеркивающие необходимость изучения производственных оснований культуры, выделения целостных культурных комплексов путем конкретного анализа, выгодно отличались от одиознейших схем эволюционистов и спекулирующей историческо-софской культурологии (с. 114—115). Однако Я. В. Чеснов убедительно показал и негативное влияние на интерпретацию фактов таких особенностей критикуемой концепции, как преувеличение роли географического фактора, «культурный реализм», который вылился в деперсонализацию культуры и трактовку общественного производства вне системы общественных отношений. Все это «помешало» концепции культурных ареалов, — справедливо отмечает Я. В. Чеснов, — выйти за рамки первичной классификации культурных явлений и стать плодотворным научным методом» (с. 187).

В статье Е. А. Веселкина «Теория „единого социального поля“ в британской социальной антропологии» на примере «африканской социологии» становление указанной в названии концепции рассматривается как определенное достижение британских антропологов в развитии логического аппарата исследований. Теория «единого социального поля» с эвристической точки зрения давала возможность, как справедливо полагает Е. А. Веселкин, более адекватного видения социальной реальности по сравнению с установками довоенного периода, во многом вытекающими из идей Б. Малиновского. Эта теория позволяла рассматривать явления африканской действительности не только в контексте их простой взаимосвязи в рамках традиционных племенных сообществ, но в более широкой системе взаимодействия африканцев с европейскими колониальными институтами (с. 90).

Наряду с отмеченными методическими достижениями британских антропологов (речь главным образом идет о группе учеников А. Р. Рэдклиф-Брауна: М. Глакмане, М. Фортесе, Э. Эванс-Причарде и др.), Е. А. Веселкин вскрывает и мировоззренческую ограниченность исходных онтологических постулатов, на которых базировалась их методология. В частности, статья отмечает «неоправданное сопоставление факторов биологического и социального порядков» (с. 103), подмену причинно-следственных связей связями функциональными, установку на недифференцированное рассмотрение социальных конфликтов, что привело к фактическому отрицанию ведущего значения классовых противоречий (с. 105), апологию политики неоколониализма (с. 107).

Африканская тематика развивается и в статье С. Я. Козлова «Западная этнология и Африка. К вопросу о методологическом кризисе», автору которой удалось успешно выполнить, казалось бы, невыполнимую задачу — представить практически всю историю развития теоретической мысли западной этнологии в ее приложении к африканскому материалу. При этом был получен не просто обзор трудов, но целостное науковедческое исследование. Проблемная сфера этнологической африканистики представлена не только в многообразии составляющих ее основных исследовательских вопросов, но и в исторической динамике ее развития. В качестве примера можно привести проблему соотношения общечеловеческих и специфических черт в культуре и социальной структуре африканских народов. Эта проблема (как и ряд других) проходит через всю статью, отражаясь в критическом анализе самых разных, исторически сменяющихся друг друга теоретических подходов к ней — от классиков эволюционизма, абсолютизирующих общечеловеческое, до современных релятивистских концепций, преувеличивающих роль особенного, специфического африканского.

Эффективность критики С. Я. Козлова во многом объясняется ее корректностью, вытекающей из принятого им исходного принципа оценки, по которому не субъективная убежденность критика служит главным мотивом возражений против выводов зарубежных исследователей, но «прежде всего объективная неудовлетворительность даваемых объяснений, решений, оценок» (с. 245). Такой подход позволил, с одной стороны, отметить позитивный вклад многих ученых в развитие африканистики (в частности, выводы Л. Фробениуса и М. Гриоля о самобытной ценности африканских культур; богатые уникальным фактическим материалом труды З. Лижерса, Б. Ола, А. Леруа-Гурана и др.; некоторые методики сторонников структурно-функционального подхода и др.), а с другой стороны, решительно и аргументированно отвергнуть те черты западной африканистики, которые С. Я. Козлов перечисляет в заключении статьи: «биологизация общества и культуры, географический детерминизм, более или менее завуалированный расизм, крайняя ограниченность и односторонность европоцентризма, как и мнимая широта (реально же — аморфность и беспринципность) «культурного релятивизма» (с. 263).

Основные этапы развития теоретической мысли в западногерманской этнологии (ФРГ и Западный Берлин) освещены в статье Г. Е. Маркова «Эволюция западногерманской этнологии». В ней дан общий анализ воззрений основоположников этой науки (А. Бастиан, Ю. Липперт, Г. Шурц, Г. Кунов, Э. Ган, Ф. Гребнер, В. Шмидт, Л. Фробениус и др.), основное же внимание уделено периоду с 1930-х по 1970-е гг., в течение которого теоретический облик западногерманской этнологии определялся трудами Р. Туривальда, В. Мюльмана, В. Рудольфа, А. Ензена, Г. Баумана и др.

Сильной стороной исследования Г. Е. Маркова является стремление рассматривать развитие науки в контексте социально-политических процессов, протекавших в Германии на протяжении последних 50 лет, что позволило вскрыть причины упадка научной мысли в годы фашистской диктатуры, когда теоретический анализ откровенно подменялся реакционной человеконенавистнической риторикой (с. 138), отразить сложное соотношение прогрессивных и реакционных тенденций в послевоенный период.

Две статьи рецензируемого сборника хотелось бы выделить особо. Речь идет о работах Ю. П. Аверкиевой и И. Р. Григулевича, которые специально ставят проблему анализа и оценки места западной этнологии в системе идеологических и политических отношений современного мира.

В статье Ю. П. Аверкиевой «Современная западная этнография и марксизм» показано, как от враждебного игнорирования марксизма теоретическая буржуазная этнология постепенно пришла к своеобразной «моде» на него в наши дни. Заслугой Ю. П. Аверкиевой следует признать то, что она не ограничилась анализом лишь оценочного отношения западных этнологов к марксизму, но предприняла детальный разбор идейно-теоретического содержания различных вариантов «привлечения» марксистских положений в труды буржуазных исследователей. Так, она аргументированно показывает, что Дж. Мердок, которому принадлежит немало лестных отзывов об идеях К. Маркса, представлял их как разновидность вульгарного экономического детерминизма (с. 60), М. Фрид стремился доказать принципиальное единство марксизма и функционализма (с. 62) и т. д. Ю. П. Аверкиева справедливо отмечает, что все подобные попытки основаны на выдергивании из наследия классиков марксизма отдельных положений и на полном игнорировании революционно-преобразующей сути этого учения.

Статья И. Р. Григулевича «Социальная антропология: есть ли у нее будущее?» вскрывает определяющее влияние социально-политической среды на научную деятельность западных этнологов. В ней очевидным выступает тот факт, что глубокий методологический и морально-этический кризис западной этнологии, о котором сейчас совершенно открыто заявляют многие ее видные теоретики, является одним из проявлений общего кризиса капитализма, с идеалами и целями которого эта наука во многих странах тесно связала свою судьбу. Резко квалифицируя позицию западной этнологии в целом как антигуманную, аморальную, И. Р. Григулевич далек от огульного обвинения всех ее представителей. Он прямо говорит: «Мы не считаем всех антропологов-немарксистов реакционерами и прислужниками империализма. Более того, мы уверены, что среди американских антропологов они составляют меньшинство» (с. 37). В статье отражена позиция многих прогрессивно настроенных ученых, таких, как Ж. Маке, Д. Льюис, Дж. Йоргенсен, Д. Уиллнер, Г. Хицер и др., выступающих против использования науки в антигуманных целях.

В заключение необходимо признать, что рецензируемый сборник, если на него посмотреть как на целостный труд, не свободен от определенных недостатков; главный просчет, на наш взгляд, заключается в отсутствии обобщающего раздела, который вы-

явил бы основные тенденции и приемы критического анализа, принятые в советской этнографии и, наконец, объяснил бы неизбежные в такого рода сборниках противоречия в суждениях различных авторов. К примеру, может вызвать недоумение у читателя, недостаточно знакомого с творчеством В. Мюльмана, то, что этот немецкий этнолог в трактовке С. Н. Артановского предстает как оригинальный теоретик, давший интересную концепцию, выгодно отличающуюся от ряда современных релятивистских доктрин (с. 191), а в трактовке Г. Е. Маркова он — махровой реакционер, сотрудничавший с фашистским режимом (с. 140—144). Это противоречие отчасти можно объяснить различиями в направленности критического анализа: в одном случае оно концентрируется на предметно-содержательном аспекте деятельности В. Мюльмана, а в другом — на его гражданской позиции в определенной политической ситуации. В обобщающем разделе можно было бы отчасти снять возможные недоумения от не совсем оправданного разпоя в наименовании научной дисциплины, служащей объектом критического анализа: ведь во многих статьях речь идет о западной этнологии в целом, а называют ее по-разному.

Не совсем понятно, почему в сборнике, переведенном на французский язык, нет ни одного очерка, специально посвященного разбору французских этнологических концепций; нет нужды доказывать важность роли, которую сыграла французская теоретическая мысль в развитии западной этнологии.

Стиль критических высказываний не везде учитывает возможности восприятия зарубежного читателя. Иногда можно встретить не очень развернутые упреки в несоответствии критикуемых положений принципам исторического материализма, что для советского читателя в какой-то мере является приемлемым, так как ложится на почву знания подлинных теоретико-познавательных возможностей марксизма, но для человека, незнакомого в достаточной мере с ним, такие суждения останутся неким штампом.

Высказанные замечания, разумеется, не могут поставить под сомнение общую высокую оценку рецензируемого труда.

А. А. Никишенков

Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.

Современный этап развития этнографической науки характеризуется расширением профиля и совершенствованием методов исследования и на этой основе укреплением контактов этнографии со смежными дисциплинами, изучающими все многообразие жизнедеятельности людей. Не случайно в литературе последних лет подчеркивается «усиление внимания к изучению различных аспектов современных этнических процессов: этнокультурных, этнодемографических, этнолингвистических и т. д.»¹

Довольно прочные связи сложились у этнографии с демографией — наукой о воспроизводстве населения, со своих позиций изучающей явления и процессы, одновременно составляющие и объект этнографических исследований, такие, как брачность, детность, этапы формирования семьи, динамика численности народов и многие другие.

Становление и развитие этнодемографического направления исследований потребовало от этнографов не только знания демографической терминологии и основных методов этой науки, но и умения ориентироваться в важнейших проблемах демографии. При этом отсутствие единообразия и недостаточная четкость интерпретации демографических понятий выступают как отрицательный фактор, сдерживающий комплексную разработку этнодемографических проблем. Иными словами, этнографы ощущают все более настоятельную потребность в упорядочении используемого ими понятийного и методического аппарата демографической науки. Поэтому нетрудно предсказать, что все они с удовлетворением воспримут выход в свет «Демографического энциклопедического словаря» (ДЭС) (гл. редактор Д. И. Валентей), подготовленного совместно научно-редакционным советом издательства «Советская энциклопедия» и Центром по изучению проблем народонаселения при экономическом факультете МГУ.

Авторы словаря находились в исключительно трудном положении, так как перед ними стояла задача обобщения еще не вполне сложившейся отрасли знаний о народонаселении. В этом отношении ДЭС занимает совершенно особое место в ряду прочих энциклопедических словарей по таким традиционным научным отраслям, как философия, география, физика, медицина и др., и является подлинно новаторским изданием. В нем впервые в СССР сделана попытка систематизации демографических категорий и терминологии, построение словаря в целом соответствует структуре демографической науки. Вместе с тем содержание ДЭС значительно шире рамок собственно демографии, так как на основе принципов марксистско-ленинской методологии оно охватывает проблематику всего комплекса наук и научных направлений, входящих в систему знаний о народонаселении, а также совокупность методов и приемов, отражающих достигнутый уровень научных знаний в этой области. В этом заключается принципиальное отличие рецензируемого словаря от выпущенных за рубежом немногочисленных изданий подобного рода, которые либо охватывали сравнительно узкий круг демографических понятий, либо характеризовались ограниченностью методологического подхода и буржуазно-апологетическим толкованием важнейших проблем народонаселения.

Словарь содержит 1635 статей и материалов (в том числе 114 отсылочных статей), которые в тематическом отношении условно могут быть разбиты на следующие блоки: статьи о народонаселении СССР и зарубежных стран (220 статей); проблемные статьи из области демографии и смежных с нею наук, статьи об источниках демографической

¹ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 118.